

О расах, происхождении индоевропейцев и отношениях палеоантропологов и генетиков

[Александр Козинцев](#)

Дискуссию, начатую Львом Клейном и Еленой Балановской в первой части беседы «Этногенез и синтез наук», продолжает Александр Козинцев, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Музея антропологии и этнографии РАН (Кунсткамера).

Начну с геногеографии и человеческих рас. Я вспоминаю наш давний разговор со Львом Самойловичем, состоявшийся лет 45 назад, когда нынешние громогласные отрицатели рас еще и на свет не родились. Последним криком моды была тогда книга «Понятие расы» (“The Concept of Race”, 1964). Ее авторы – Эшли Монтэгю, Фрэнк Ливингстон, Жан Иерно и другие – объединились и решили раз и навсегда покончить с расами. В отличие от современных деконструктивистов – политически ангажированных гуманитариев, которые не только ничего не смыслят в физической антропологии и не интересуются ею, но и считают ее занятием глубоко вредным – это были антропологи и генетики мирового уровня, много сделавшие для изучения биологического разнообразия человечества. Нынешним же ниспровергателям рас не хватает не только биологических знаний, но и решимости. Уж если отменять расоведение (в их убогом лексиконе это понятие неотрывно от понятия «расизм»), то первым делом, нужно, конечно, отменить физику микромира – после Хиросимы ли сомневаться в том, что страшнее всего злоупотребления именно в этой области? Пойдем по такому пути – многих наук не досчитаемся.

Так вот, авторы «Понятия расы» сочли, что от рас никакой пользы нет. Кстати, некоторые зоологи тогда же ополчились на родственное понятие «подвид». Действительно, последовательно генеалогическая классификация возможна лишь начиная с уровня вида. На внутривидовом же уровне изменчивость часто похожа не на дерево, а на сеть. Что за дерево, у которого ветви могут срастаться? «Зоолога, – писал Эрнст Майр, – не интересует монофилия на внутривидовом уровне». Орнитолог П.В. Терентьев – создатель метода корреляционных плеяд – называл подвиды «случайно выхваченными комбинациями признаков». Но в зоологии эта тенденция не прижилась – зоологи продолжают говорить о подвидах и даже их классифицировать. То же и в физической антропологии, и в генетике: то здесь, то там мы встречаемся с древовидными иерархическими схемами – дендрограммами, кладограммами, филограммами. Это полезный метод анализа, если не забывать о его ограничениях. А если есть древо, то вопрос о том, нужно или не нужно называть разные иерархические группировки какими-то терминами – вопрос чистой условности и удобства. Назовем ли мы их подвидами, надрасовыми стволами, расами, кластерами, группами популяций или же никак не назовем, большой роли не играет.

Но вернусь к нашему разговору с Клейном. Начитавшись Эшли Монтэгю и его коллег, я заявил, что расы не нужны, а нужно изучать признаки по отдельности, чтобы понять их биологическую суть. Кстати, многие так думают и до сих пор – выясняют роль климата, питания, микроэлементов и прочего в биологической изменчивости людей. Словом, делают то, что в начале XX в. пытался сделать Франц Боас, когда захотел доказать, что рас нет, поскольку форма головы у иммигрантов в США якобы меняется под непосредственным влиянием среды. Ничего у него из этого не вышло, но боасовский энвайронментализм в физической антропологии все еще очень популярен и то и дело стремится вытеснить расовую систематику. Отношения между ними сугубо антагонистические. Чем сильнее тот или иной признак подвержен влиянию среды (прямого или селективному), тем менее он полезен для установления родственных связей групп.

И вот, когда я попытался в присутствии Клейна доказать бесполезность понятия расы, он напомнил, что первыми этой детской болезнью переболели лингвисты. В частности Гуго Шухардт еще в конце XIX в. утверждал, что схема родственных связей диалектов, в отличие от языков, имеет вид не древа, а сети. Поэтому, дескать, и нужно изучать не диалекты, как «случайно выхваченные комбинации признаков», а отдельные признаки – изоглоссы. Словом, полная аналогия с видами и подвидами/расами. «Так-то оно так, – заметил Клейн, – и все-таки все мы говорим на языках и диалектах». Спор имеет гораздо более широкий смысл. Вспомним философию – ведь и Беркли, как ни трудно его опровергнуть, не убедил нас в том, что вишня – это всего лишь комбинация круглого, красного, терпкого и т.д.

Тут интересная параллель с геногеографией. А.С. Серебровского. Приверженцев географического метода в антропологии – Е.М. Чепурковского и В.В. Бунака – также интересовала изменчивость отдельных признаков, но ее изучение не подменяло анализа родства между популяциями. Елена Владимировна обратила внимание на изоморфизм между популяционной генетикой и лексикостатистикой. И тут, и там мы имеем дело с не только с отдельными признаками, но и с их комбинациями. Многомерный статистический анализ снимает это противопоставление, ведь можно картографировать не только признаки, но и их сочетания, причем выделенные объективно, а не выхваченные наугад, как это было у расоведов прошлого. Теперь мы все реже называем эти сочетания «расами». Но сам принцип изучения внутривидовой биологической изменчивости, как бы его ни называть – расоведением, геногеографией, просто анализом комплексов разграничительных признаков – по-прежнему актуален.

Не могу не затронуть вопрос, меня сейчас особенно волнующий – происхождение индоевропейцев. Сообщество индоевропейцев оживленно обсуждает только что появившуюся в виде препринта работу Дэвида Райка и его коллег,

обнаруживших путем изучения геномов людей неолита и бронзового века, что решающее воздействие на генетический ландшафт Европы оказала миграция людей ямной культуры на север и запад в середине III тыс. до н.э. В результате, по словам генетиков, возникла популяция, связанная с культурой шнуrowой керамики, а от нее ведут происхождение позднейшие индоевропейцы Европы. К тем же примерно выводам одновременно пришел другой коллектив ведущих генетиков во главе с Эске Виллерселевом.

По данным генетиков, носители культуры шнуrowой керамики почти не были родственны европейцам более ранних эпох, в частности, людям культуры воронковидных кубков, которых многие считали протоиндоевропейцами, мигрировавшими затем из Северной и Центральной Европы на восток, в степи. То, что миграция, как утверждают генетики, имела противоположную направленность – из степей на запад – подтверждает старую «курганную» теорию индоевропейской прародины, сформулированную Отто Шрадером, а вслед за ним Марией Гимбутас. Сейчас ее главные сторонники – Джеймс Мэллори и Дэвид Энтони, а у нас – Валентин Дергачев.

Не скрою, я еще не успел смириться с таким поворотом событий. Мы, палеоантропологи, не находим следов настолько масштабной ямной миграции. Да ведь и археологи, включая даже сторонников Гимбутас, о столь резкой и полной смене европейского населения не говорили. Не находим мы, впрочем, подтверждения и другим теориям индоевропейской прародины – ни европейской, ни ближневосточной. Смена языка теоретически могла быть вызвана миграцией небольших элит. Массовый приток ближневосточного населения в зарубежную Европу несомненно имел место – из Анатолии на Балканы, отсюда на Дунай и далее на север вплоть до Скандинавии. Об этом свидетельствуют и генетика, и палеоантропология. Но это была миграция ранних земледельцев, на много столетий предшествовавшая распространению индоевропейских языков. Потом одна из групп потомков этих людей – носителей баденской культуры – вернулась с Дуная в Анатолию (в Трою). Согласно Л.С. Клейну, это и были хетто-лувийцы. Палеоантропологический материал вполне подтверждает такое заключение. Баденцы действительно имели на редкость «южный» облик.

А степь, как мы считали, издавна была особым миром, резко отличавшимся и от ближневосточного, и от европейского. Миграции оттуда – так нам казалось – были направлены в основном не на запад, а на восток, вдоль степей, в сторону Центральной Азии, которой древние индоевропейцы, носители афанасьевской культуры (потомки людей ямной культуры или их степных предков) достигли не позже рубежа IV-III тыс. до н.э. Это сейчас подтвердила и группа Виллерслева.

Обнаруживались и импульсы на восток из более западных районов. В частности, Алексей Ковалёв по археологическим материалам эпох неолита и бронзы проследил миграцию индоевропейцев (протохаров?) из Франции в Восточный Казахстан и на Алтай, где они создали чечурчекскую культуру. Я недавно обнаружил близкие параллели между одной из групп культуры воронковидных кубков Германии (той самой, которую генетики, напомню, исключили из числа индоевропейских), некоторыми группами носителей ямной и катакомбной культур южнорусских и украинских степей и – далеко в глубинах Азии – людьми чаахольской культуры (это родственники чечурчекцев в Туве). Учитывая даты (всё более поздние по мере продвижения на восток), трудно не сопоставить эти параллели с какой-то из миграций индоевропейцев. А позже, в раннем железном веке, потомки мигрантов вернулись из Центральной Азии в Европу. В результате этой обратной миграции на исторической арене появились скифы, о чем свидетельствуют и археологические данные, и краниологические, относящиеся к чаахольцам. Они, как родные братья, похожи на степных скифов, несмотря на огромный географический и хронологический разрыв.

Выводы генетиков, конечно, исключительно важны. Но, мне кажется, археологам и палеоантропологам рано вывешивать белый флаг. Во-первых, реальная картина могла быть гораздо сложнее, чем нам кажется. А во-вторых, не будет ли и тут как в недавней полемике по поводу ариев и ДНК-генеалогии? Нашли у тебя некую гаплогруппу Y-хромосомы – добро пожаловать в арийское сообщество. Не нашли – не обессудь. Да, Райк, Виллерселев и их коллеги выделяют не отдельные гаплогруппы, а целиком большие фрагменты генома. Кроме того, они не позволяют себе злоупотреблять лингвистическими терминами. С наскоку их не опровергнешь. И все-таки осторожность требуется и здесь. Давайте повременим с окончательными выводами!

Кстати, бывало и так, что палеоантропологи подсказывали генетикам путь исследования – и оказывались правы. Так получилось, например, с носителями окуневской культуры Южной Сибири. Когда мы 20 лет назад обнаружили, что краниологически (по сочетанию традиционных измерений и предложенных нами новых информативных особенностей строения черепных швов и отверстий), окуневцы – «двоюродные братья» американских индейцев, нам мало кто поверил. Во-первых, в окуневцах всегда видели европеоидно-монголоидных метисов вроде казахов, а во-вторых, предки индейцев ушли из Сибири в Новый Свет минимум за 10 тыс. до того, как на Енисее возникла окуневская культура. А сейчас Эске Виллерселев и его коллеги полностью подтвердили наш вывод. Подтвердили они и близкое родство между носителями ямной и афанасьевской культур, и миграцию предков синташтинцев и андроновцев из Европы в Зауралье и далее в Сибирь – но в этом и так уже давно мало кто из археологов и антропологов сомневался.

Я очень рад появлению сайта «Генофонд.ру». Уверен, что он удачно дополнит сайт «Антропогенез.ру», созданный усилиями Александра Соколова, Станислава Дробышевского, Александра Маркова и целого ряда экспертов.